

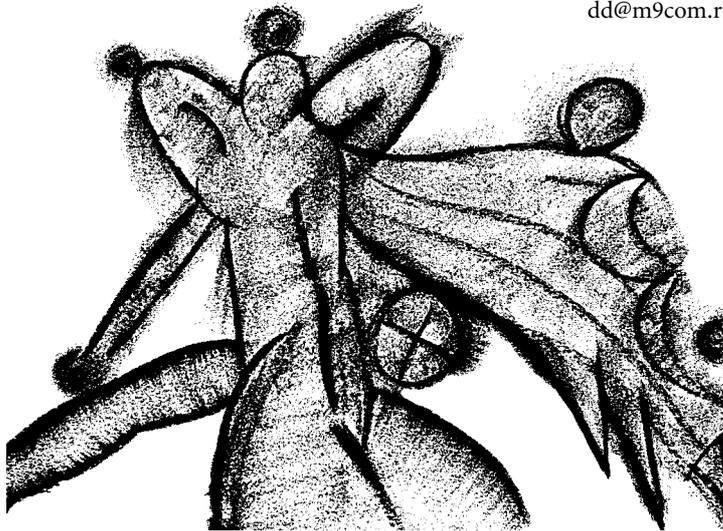
Пётр Гладилин

Афинские вечера

Пьеса в трех действиях

Все права принадлежат автору

Гладилин Петр Владимирович
8 926 142 60 56
8 (499) 151 50 07
dd@m9com.ru

2 Действующие лица

Анна Павловна Ростопчина — дама преклонного возраста.

Людмила Сергеевна — дочь Анны Павловны, Наташина мама.

Борис Олегович — муж Людмилы Сергеевны, Наташин папа.

Наташенька — девушка восемнадцати лет, внучка Анны Павловны.

Антон — друг Наташи, молодой мужчина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

dissonans

Сцена первая

Старая московская квартира с большими окнами и высокими потолками. Поздний вечер. В гостиной полумрак, на столе горит лампа, за окном на мостовую падают искры от проезжающего трамвая. Входят Наташа и Антон.

Наташа. Она была знакома с Ходасевичем и Горьким, она моя родная бабушка, она знает двенадцать языков, она урожденная Ростопчина, значит, и я тоже по рождению аристократка, она всего на три дня проездом, а куда — не говорит, кажется, за границу, в четверг у нее самолет из Шереметьево. Закрой за собой дверь... как следует. Еще, еще сильнее...

Антон. Ну, иди ко мне, я тебя поцелую, мой ангелочек!

Наташа. Отпусти, они могут войти в любую минуту.

Антон. Я люблю тебя! Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Наташа. Пиано, пиано, тише!

Антон. Мне надоело ходить на цыпочках, разговаривать шепотом. Я сегодня скажу твоему отцу, что мы поженимся.

Наташа. Не надо, еще рано, не надо ему ничего говорить!

Антон. Сколько можно ждать?

Наташа. погоди, я соберусь с духом. Мне страшно.

Антон. Уже пошел третий месяц! Я сегодня считал по календарю, вторая неделя третьего месяца! Ты хочешь родить за свадебным столом, да?

Наташа. Не знаю, как сказать отцу. Я слов не найду!

Антон. Натулечка, я сам с ним поговорю.

Наташа. Мне даже сон приснился, что я учительница биологии, а отец — школьник, он сидит за партой, а я ему объясняю, откуда на свет появляются дети. А за спиной у меня поле до самого горизонта, засеянное капустой. Я не знаю, как ему сказать, сначала я должна все как следует обдумать.

Входит Людмила Сергеевна, Наташина мама.

Людмила. И думать тут нечего. А что здесь думать?!

Немая сцена.

Наташа. Мама!

Антон. Здравствуйте.

Людмила. И нечего тут думать, а что здесь думать, мы сядем в гостиной. Все, я накрываю! Здравствуйте. Как хорошо, Антон, что вы зашли, милости просим к столу.

Наташа. У него сегодня запись на радио, через полчаса, он уже опаздывает.

Антон. Наташа!

Наташа (*подталкивая к выходу*). Опаздывает, опаздывает, опаздывает!!!

Людмила. Жаль.

Входит Борис Олегович, Наташин отец.

Антон. Здравствуйте.

Борис Олегович. Здравствуйте.

Антон. До свиданья.

Борис Олегович. До свиданья.

Антон и Наташа уходят.

Борис Олегович. Ты видела?

Людмила. Я — да! А ты?

Борис Олегович. Я тоже!

Людмила. Дело швах!

Борис Олегович. На десять лет ее старше!

Людмила. Пора вмешаться!

Борис Олегович. Ты мать, поговори с ней по душам!

Людмила. Кто из нас отец? Ты или я?

Борис Олегович. Но все-таки мать ближе к девочке.

Людмила. Зато отец — это отец!

Борис Олегович. Если бы наша девочка была мальчи-
ком... Такие вопросы решаются за две минуты.

Людмила. Наташа не мальчик. Наташа — девочка.

Борис Олегович. Я знаю.

Людмила. Если знаешь, тогда в чем же дело? Уже три дня
к инструменту не подходит!

Борис Олегович. Хорошо, я поговорю!

Людмила. Только поаккуратнее и понежнее, она и так
бледная.

Борис Олегович. Бледная?

Людмила. Бледная!

Борис Олегович. А с чего бы это она такая бледная?

Людмила. А вот я не знаю!

Борис Олегович. Никогда не думал, что придется зани-
маться воспитанием собственной дочери!

Людмила. Ты думаешь, что я думала?

Борис Олегович. До конкурса осталось три месяца!
И еще твоя мать как снег на голову! Не вовремя!

Людмила. Твоя мать всегда вовремя, а моя всегда не во-
время!

Борис Олегович. Ближе к делу!

Людмила. Хорошо, начинай! Я встану за дверью и по-
слушаю.

Борис Олегович. Зови!

Людмила. Наташа, тебя отец зовет!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Людмила уходит, появляется Наташа.

Борис Олегович (*кивает на дверь*). Кто это был?

Наташа. Антон.

Борис Олегович. Я не слепой, я знаю, как его зовут, в моем вопросе есть очень глубокий подтекст: я тебя спрашиваю, зачем он приходил?

Наташа. Принес ноты.

Борис Олегович. Тебе не надо с ним дружить!

Наташа. А мы не дружим, мы просто товарищи, я попросила у него ноты, вот и все.

Борис Олегович. И все?

Наташа. И все!

Борис Олегович. Значит, товарищи?

Наташа. Да, товарищи!

Борис Олегович. Я тебя умоляю: никогда, никогда больше не проси у него ноты!

Наташа. Но почему я не могу попросить ноты у своего товарища?

Борис Олегович. Потому что он уже два раза был женат, он прожженный тип.

Наташа. Во-первых, не два раза, а только один.

Борис Олегович. Полтора.

Наташа. Неправда. У него не было романа с Плотниковой. Как тебе не стыдно, па, оказывается, ты собираешь сплетни!

Борис Олегович. Дружи с мальчиками. От жеребцов держись подальше.

Наташа. Мы просто хорошие знакомые.

Борис Олегович. И все-таки товарищи или знакомые?

Наташа. Знакомые.

Борис Олегович. Композитор он многообещающий, Божья искра в него попала, но человек, мне кажется, посредственный, хотя, если положить руку на сердце, какой он к чертовой матери компози-

тор?! Ширпотреб, косхалва, музыка для кино. Да, и я прошу тебя, не приходи домой после одиннадцати часов, мы с мамой волнуемся, особенно мама! Мы тебя вчера до двенадцати ждали, а потом до трех не могли уснуть. Чтобы в последний раз!

Наташа. Па!

Борис Олегович. Мальчики пусть приходят, когда мы дома.

Наташа. Но мне уже восемнадцать лет!!!

Борис Олегович. Исполнилось позавчера. Запомни, деточка, ты еще ребенок.

Наташа. Неправда!

Борис Олегович. Наташенька, у тебя есть только одно спасение от мерзости жизни! Это музыка! Я тебе сейчас все объясню! Изгоняя из рая Адама и Еву, Господь сказал: будете жить в страданиях и в муках добывать хлеб насущный. Поэтому на земле нет счастливых. И только музыка, только искусство — все, что осталось у человечества от потерянного рая. Господь награждает талантами тех, кто достоин другой юдоли, более счастливой судьбы, и не несет на себе первородного греха. Будь умницей. У тебя выдающийся талант, ты будешь великой пианисткой. Честное слово, глупо в твоём возрасте променять рай на ад, и потом всю оставшуюся жизнь гореть в геенне огненной! А это легко, сама не заметишь! Не торопись жить, успеешь, в жизни ничего прекрасного нет, скоро ты вырастешь и поймешь! Тебя Господь Бог при рождении поцеловал! Будь принципиальной, главное для тебя сейчас — это музыка. Я тебя умоляю, будь принципиальной!

Наташа. Хорошо, я буду принципиальной.

Борис Олегович. Где же твоя голубая кровь? Наша бабушка упадет в обморок, когда увидит твои фиолетовые губы. И больше не пользуйся этой помадой, какой неприличный цвет. А это что?

Наташа. Билеты в консерваторию.

Борис Олегович. На когда?

Наташа. На завтра.

Борис Олегович. На кого?

Наташа. Рахманинов, Второй концерт.

Борис Олегович. А кто исполняет?

Наташа. Борщевский.

8 Борис Олегович. Этого тебе нельзя слушать, это дурновкусица.

Наташа. А мне нравится!

Борис Олегович. Ради собственного самовыражения коверкает гениев, я бы за такое исполнение Рахманинова руки поотрывал.

Наташа. А мне нравится, по-моему, очень своеобразно.

Борис Олегович. Вот именно — своеобразно, прыгает на стуле и трясет головой как дурак, всем своим видом показывая, что он и есть гений. А на самом деле не гений, а тапер. Тебе не надо этого слушать. Ты у нас еще совсем молодой пианист, я опасуюсь за твой вкус. Я твой вкус воспитывал с трех месяцев.

Рвет билеты.

Наташа. Я так больше не могу.

Борис Олегович. Что именно ты не можешь? Что ты хотела этим сказать? Хорошо, давай объяснимся! Что ты не можешь?

Наташа уходит.

Появляется Людмила.

Борис Олегович. Ну?

Людмила. Я все слышала, молодец!

Борис Олегович. Ничего?

Людмила. Чуть-чуть помягче!

Борис Олегович (*в сердцах*). И про роман с Плотниковой не надо было!

Людмила. И билеты не надо было рвать.

Борис Олегович. Обиделась?

Людмила. Обиделась!

Борис Олегович. Вот черт!

Людмила. Не расстраивайся!

Борис Олегович. Сорвался!

Людмила. Бывает.

Борис Олегович. Голодный как волк.

Людмила. Надо было после ужина.

Борис Олегович. А с другой стороны, почему бы и нет, в конце-то концов, я отец, я право имею!

Людмила. Помиритесь! Помиритесь!

Борис Олегович. Куда мы денемся, конечно. Ничего, ничего, это только начало. Я еще многое не успел сказать.

Уходит к себе.

Сцена Третья

В гостиной через полчаса.

Анна Павловна. А не выпить ли нам за встречу?

Людмила. Mamочка, и все-таки, куда ты летишь?

Анна Павловна. Не скажу.

Людмила. Но почему?

Анна Павловна. Чтобы не отговаривали. Я погощу у вас денька три-четыре, а в четверг утром, перед самолетом, в самый последний момент проболтаюсь.

Людмила. Тайны мадридского двора.

Анна Павловна. Вчера был страшный ветер, потом откуда-то по воздуху полетела солома, как будто стог разворошило.

Людмила. А я в прошлом году видела сокола, он сидел у нас на балконе.

Борис Олегович. А я вчера иду по Тверской домой, а на встречу мне девушка на лошади. Лошадь белая, как сахар, а девушка грузинка... красивое сочетание. О чем ты задумалась, доченька?

Наташа. Так, ни о чем. Устала.

Борис Олегович. Скажи лучше правду, что обиделась на отца!

Наташа. ...

Борис Олегович. Молчит и злится. Как было бы хорошо обладать сверхъестественными способностями. Например, если бы люди могли читать чужие мысли.

Людмила. Не надо иметь никаких сверхъестественных способностей, у человека можно по лицу все прочитать!

Анна Павловна. Воистину. Многие из великих писателей сравнивали лицо человека с открытой книгой.

Борис Олегович. А вот хотите, я скажу вам, о чем думает моя дочура? Она мечтает быть взрослой мадам, а я не разрешаю, вот она и дуется на меня, как мышшь на крупу. Скажите, Анна Павловна, а какие были нравы во времена вашей молодости? Например, вы могли выйти из дома одна по своему собственному желанию?

Анна Павловна. Ни за что на свете, только с родителями, старшими братьями или, в порядке исключения, с мужской прислугой. Это было общим правилом для всех молоденьких девушек. Я стала ходить одна по улицам только после первого замужества.

Борис Олегович. Скажите, а до замужества молодые люди могли приходить к вам домой и оставаться с вами наедине?

Анна Павловна. Ни за что на свете. Только в присутствии родителей. Более того, с молодым человеком в разговоре надо было держать дистанцию и не фамильярничать. Моя матушка стояла рядом и строго следила за беседой. Мне однажды очень досталось от матушки за то, что я в мужском обществе упомянула, что принимала ванну. Меня сразу же увезли с вечеринки домой. Скромность была первой добродетелью молодой девицы.

Борис Олегович. А я-то прошу мизер, и на меня еще обижаются.

Анна Павловна. Да-да, строгие были нравы.

Людмила. А теперь все можно.

Анна Павловна. Не говори, миленькая... куда мы все катимся, я в толк не возьму!

Борис Олегович. Скажите, Анна Павловна, а как за вами ухаживали молодые люди?

Анна Павловна. В наши времена особенно и не ухаживали, если собирались жениться, присылали сватов.

Людмила. Ну а молодежь как-нибудь развлекалась?

Анна Павловна. Мы много читали, учились языкам, музицировали, иногда ходили на театр.

Борис Олегович (Наташе). Вот видишь, а ты на меня обижаешься!

Наташа. И что, совсем никаких развлечений не было?

Анна Павловна. Иногда тайком от родителей посещали афинские вечера.

Людмила. А что такое афинские вечера?

Анна Павловна. Просвещенная молодежь устраивала на квартирах тайные собрания, интеллигенция в те годы поклонялась Эросу, богу любви, в моде был оргазм.

Борис Олегович. Анна Павловна!

Людмила. Мама!

Анна Павловна. А что я такого сказала?

Борис Олегович. Хотите, я вам повторю?

Анна Павловна. Окажите такую любезность.

Борис Олегович. Наташа, пожалуйста, закрой уши на секундочку.

Наташа. Я уже все слышала.

Борис Олегович. Это не для твоих девичьих ушей!

Наташа. Па, но это уже слишком!

Людмила. Ну заткни ты их пальцами, ну что, тебе трудно, что ли?

Наташа (закрывает уши пальцами). Все! Говорите.

Борис Олегович. Так вот, Анна Павловна, вы сказали, в моде был оргазм!

Анна Павловна. Ничего подобного я не говорила.

Людмила. Нет, ты сказала, мама! Я слышала! Ты это сказала!

Анна Павловна. Ничего подобного, я сказала: в моде был оргазм. Ор-ги-азм.

Наташа. Можно?

Борис Олегович. Нет, нельзя. И что это значит... орг-азм?

Анна Павловна. От слова оргия. Ор-ги-азм. Оргии были в моде.

Борис Олегович. Оргии?

Анна Павловна. Да, да, конечно, сексуальные оргии. В моде был культ Диониса. Интеллектуальная молодежь, к коей я себя тоже причисляла, была увлечена античностью. В Петербурге, например, было общество друзей Гифиза, в него входили Зинаида Гиппиус, Кузмин. Бердяев тоже был дионисийцем!

Борис Олегович. То есть вы, дорогая Анна Павловна, принимали участие в сексуальных оргиях?

Анна Павловна. Да, подобный факт имел место в моей биографии.

Борис Олегович. Вы только что говорили, что одна, без родителей и прислуги, не могли выйти из дома.

Анна Павловна. В жизни не бывает безвыходных ситуаций.

Людмила. Мама!

Анна Павловна. По пятницам, при помощи двоюродной сестры, мне удавалось избавиться от родительской опеки. Я была знакома с Кузминым. Он был гомосексуалистом и гетеросексуалом одновременно.

Борис Олегович. Наташа, пойдика в свою комнату!

Наташа. Па!

Борис Олегович. Наташа! Все!

Наташа. Спокойной ночи! (*Уходит.*)

Борис Олегович. Ну, знаете что, дорогая Анна Павловна! Это вы знаете, что такое!

Анна Павловна. А вам, уважаемый Борис Олегович, по всей видимости, не понравилось? Это оскорбляет вашу нравственность. Не так ли?

Борис Олегович. Я не ханжа, мне наплевать, это оскорбляет мой вкус. Я считаю себя интеллигентным человеком.

Анна Павловна. Откуда, откуда у вас вкус, у вас его никогда в помине не было. А то, что вы называете интеллигентностью, — это идиотизм серого, мышинового цвета. Принесите мой чемодан, я хочу разобрать вещи. И еще, уважаемый, во времена моей юности среди молоденьких девушек в большой моде было стреляться, травиться и вешаться на почве несчастной любви. Особенно на этой ниве прославился мерзавец Брюсов. Он, прежде чем бросить несчастную, подсовывал ей пистолет. Возьмите хотя бы историю с Анечкой Львовой. Какая мерзость этот Брюсов, не правда ли?

Людмила. Мама!

Анна Павловна. Еще вот что. Мы курили опиум и ради развлечения играли в рулетку револьвером. Однажды я выстрелила себе в голову. Но, к счастью, я не удержала пистолет, у меня его вырвало из рук, зато пуля попала в рояльную деку. Нравы были очень строгие, не то что теперь. Мне надо отдохнуть с дороги. Ненавижу поезда, меня укачало. Всего вам доброго.

Анна Павловна уходит в свою комнату.

Людмила. И эта женщина — моя мать?

Борис Олегович. Твоя. Моя мать не поклонялась Эросу. Моя с утра до вечера стояла за ткацким станком!

Людмила. Молчала сорок лет! Руки заставляла мыть перед едой!

Борис Олегович. Пуля попала в рояльную деку!

Людмила. Я смотрела в гороскоп — все совпадает, мне предстоит выяснять отношения с родственниками!

Борис Олегович. В ее-то возрасте, одна, за границу?!

Может быть, она едет наркокурьером в Колумбию?

Людмила. Перестань, мне и так тошно!

Борис Олегович. Почему, ну почему она не удержала пистолет в руках?!

Людмила. Перестань, ты же знаешь, у нее была трудная жизнь!

Борис Олегович. Это да, но это не значит...

Людмила. Это ничего не значит, но все-таки у нее есть свои особенности, плюс возраст!

Борис Олегович. Я знал, что в глубине души она меня тихо ненавидит. И почему мы не можем знать, куда она летит? Я уже давно чувствую, наша девочка все дальше и дальше от нас.

Людмила. Это плохо!

Борис Олегович. Это неизбежно, но слишком рано!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Глубокая ночь, Анна Павловна сидит в кресле, бессоница. Тихонечко приоткрывается дверь. Входит Людмила.

Людмила. Мама, ты не спишь?

Анна Павловна. Не знаю, кажется, нет.

Людмила. Ма, я хотела задать тебе только один вопрос...

Анна Павловна. Говори!

Людмила. Это правда, что ты принимала участие в оргиях?

Анна Павловна. Девочка, разве я тебя когда-нибудь обманывала?

Людмила. А почему ты раньше никогда об этом не рассказывала?

Анна Павловна. Дело случая, мы не касались этой темы.

Людмила. Как ты поживаешь, мама?

Анна Павловна. Да хорошо!

Людмила. И что же ты делаешь в своей квартире целыми днями одна?

Анна Павловна. Хохочу!

Людмила. А над чем?

Анна Павловна. Смешно как-то получилось, все умерли, а я живу.

Людмила. Давай покурим.

Анна Павловна. Я не курю уж года три.

Людмила. Бросила? Здоровье?

Анна Павловна. Здоровье нормальное. Просто я, очевидно, перекурила.

Людмила. Спокойной ночи!

Анна Павловна. Спокойной ночи!

Людмила уходит.

Сцена пятая

К двери подходит Борис Олегович.

Борис Олегович. Вы не спите, Анна Павловна?

Анна Павловна. Я сплю, дружок!

Борис Олегович. Получается, вы со мной во сне разговариваете?

Анна Павловна. Конечно.

Борис Олегович. Что же получается — вы спите с открытыми глазами?

Анна Павловна. Да, я всегда сплю с открытыми глазами, в этом секрет моего могучего здоровья и долголетия.

Борис Олегович. Анна Павловна, я хочу поговорить с вами.

Анна Павловна. Да бог с вами, голубчик, говорите, я же вас по-своему люблю. Только побыстрее, я хочу побыть одна. Я устала.

- Борис Олегович.** Только один вопрос.
- Анна Павловна.** Ну?
- Борис Олегович.** Это правда, что вы принимали участие в оргиях?
- Анна Павловна.** О да!
- Борис Олегович.** И по сколько человек участвовало в вакханалии?
- Анна Павловна.** Немного.
- Борис Олегович.** Ну, сколько?
- Анна Павловна.** Человек сорок-пятьдесят.
- Борис Олегович.** И что вы все... это самое?
- Анна Павловна.** А что, по-вашему, мы стихи друг другу читали?
- Борис Олегович.** Да... у вас была боевая юность.
- Анна Павловна.** А вы, Борис Олегович, никогда не принимали участия в оргиях?
- Борис Олегович.** Конечно, нет.
- Анна Павловна.** А производите впечатление человека бывалого.
- Борис Олегович.** Правда?
- Анна Павловна.** Совершенно определенно.
- Борис Олегович.** По-вашему, я похож на Диониса?
- Анна Павловна.** Вы очень похожи на Молотова, когда он только начинал служить в Кремле. Я была с ним знакома, то есть внешне вы не похожи, зато в самой сути что-то родственное есть.
- Борис Олегович.** Анна Павловна, вы не могли бы рассказать поподробнее, я тоже когда-то интересовался поэтами-символистами, мне интересно узнать, как это все было, в мельчайших деталях. Я думаю, я полагаю, что все это может пригодиться для истории.
- Анна Павловна.** Для истории это не имеет ни малейшего значения. Ступайте, я устала от вас, мой друг. Там никого больше нет? *(Кивает на дверь.)*
- Борис Олегович.** Нет, никого.

Анна Павловна. Спокойной ночи!
Борис Олегович. Спокойной ночи.

Борис Олегович уходит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Приоткрывается дверь, входит Наташа.

Наташа. Ба!

Анна Павловна. Я не сплю, входи!

Наташа. И я тоже не сплю.

Анна Павловна. Вот и хорошо.

Наташа. Можно задать тебе один вопрос?

Анна Павловна. Конечно, моя милая.

Наташа. Это правда, что ты принимала участие в оргиях?

Анна Павловна. Ну разумеется, девочка моя!

Наташа. Не стану скрывать, я пришла за подробностями.

Анна Павловна. Я понимаю твой энтузиазм, но, к сожалению, вынуждена тебя огорчить, все это было очень невинно. На пол стелили персидские ковры, все наряжались в античные туники, лежали на коврах, пили красное вино, разбавленное водой, читали стихи и целовались.

Наташа. Только целовались и все?

Анна Павловна. Да. И еще водили хороводы и пели песни.

Наташа. А я-то подумала, что на самом деле!

Анна Павловна. Нет, это было время поэзии. Молодежь была увлечена искусством и мифологией.

Наташа. Отец весь позеленел от злости, когда услышал!

Анна Павловна. И поделом ему. Придумал использовать меня, как учебное пособие, как будто я не женщина, а чучело, набитое ватой, и давай, давай в меня тыкать пальцем. Он решил преподать тебе урок, а мне это было неприятно... зануда.

Наташа. Если бы ты курила опиум и принимала участие в самых разнузданных оргиях, я бы не стала любить тебя меньше.

Анна Павловна. Вот именно, подумаешь, какая ерунда!

Наташа. А я тоже, между прочим, отличилась.

Анна Павловна. Покуриваешь гашиш?

Наташа. Что-то в этом роде.

Анна Павловна. Рассказывай.

Наташа. Не могу, язык не поворачивается.

Анна Павловна. Говори, не бойся.

Наташа. Я беременна!

Анна Павловна. Ты беременна?

Наташа. На третьем месяце!

Анна Павловна. Bravo, bravo, деточка моя! А он боится, что в твоём присутствии я скажу взрослое словечко!

Наташа. Ты меня осуждаешь или нет?

Анна Павловна. Ничего не могу сказать, пока не увижу папочку. Он симпатичный?

Наташа. Очень!

Анна Павловна. Вы любите друг друга?

Наташа. Да!

Анна Павловна. Как его зовут?

Наташа. Антон. Мы с ним сыграли в четыре руки осенью на концерте в консерватории.

Анна Павловна. Игра в четыре руки — штука очень коварная, очень много романов начиналось с игры в четыре руки, потому что в гениальной музыке сокрыта фантастическая чувственность, и она обязательно передается партнеру. Что вы играли?

Наташа. Шуберта.

Анна Павловна. А что именно?

Наташа. Фа-бемольную фантазию.

Анна Павловна. Ну, тогда все ясно! Что я могу сказать — умный мальчик, нашел самый короткий путь к твоему сердцу. Я уверена, что он сам предложил это произведение.

Наташа. Да.

Анна Павловна. Он мне нравится все больше и больше.

Наташа. Не знаю, как сказать родителям!

Анна Павловна. Не волнуйся, я все устрою. Будет правильно, если Антон придет завтра и официально попросит твоей руки. Сначала родители должны привыкнуть к мысли о твоём скором замужестве, тогда идея о том, что ты в положении, не будет для них столь болезненна.

Наташа (*обнимает Анну Павловну*). Бабулечка, как хорошо, что ты приехала!

Анна Павловна. Я дожила! Милая моя, как хорошо, что ты беременна!

Наташа. Мне тоже нравится!

Анна Павловна. А моя жизнь — все, идет к финалу.

Наташа. Перестань, ты у нас еще совсем молодая.

Анна Павловна. Не успокаивай меня, я не боюсь смерти, моя душа вечна.

Наташа. Ты веришь в переселение душ?

Анна Павловна. Конечно. Мне даже интересно, что будет дальше? Моя соседка Надежда Львовна хочет стать птичкой и жить себе беззаботно где-нибудь в Индии, — по-моему, это глупость. Хотя я ее понимаю, у нее всю жизнь были проблемы с деньгами. Быть курицей, свиньей или собакой мне не грозит, потому что в жизни ни одному живому существу я не сделала зла, это я тебе как на исповеди. Мне бы, конечно, хотелось вернуться в человеческое обличье.

Наташа. А какая у тебя жизнь по счету?

Анна Павловна. Вот уж не знаю.

Наташа. А у меня третья.

Анна Павловна. Откуда тебе известно?

Наташа. Я даже знаю, кем я была в прошлой жизни, у меня есть книжка, она называется «Жизнь после смерти», если я ее, конечно, Сорокиной

не вернула. *(Уходит, появляется с книжкой.)*
Мы сейчас посмотрим, кем ты будешь в следующей жизни.

Анна Павловна. Это как?

Наташа. Погоди. Сначала я. Показываю. В центре колонка. Год, месяц рождения, число, время. Слева — кем я была в прошлой жизни. Справа — кем я стану в будущей жизни. В прошлой жизни я была хранительницей огня африканского племени исуйого и погибла от когтей ягуара в возрасте восьмидесяти восьми лет. А в будущей я буду известным канадским хоккеистом.

Анна Павловна. А я?

Наташа. Ты! Смотрим. Когда ты родилась? Только очень точно!

Анна Павловна. Я сама *(надевает очки, берет книгу из Наташиных рук)*. Так. В прошлой жизни я была любовницей шведского короля Карла Шестого, да, да, вполне может быть, что-то подобное мне снилось. А в будущей жизни я буду женщиной, банкиром в Швейцарии. Какая скукотища, я не хочу.

Наташа. А по-моему, неплохо.

Анна Павловна. Ну что ты, милая моя, я в двенадцать лет объездила с родителями всю Европу. Там скукотища, я не хочу. Наверное, это ошибка, нет-нет, я не хочу в Европу.

Наташа. А кем ты хочешь быть?

Анна Павловна. Я хочу быть твоим ребеночком!

Наташа. Кем?

Анна Павловна *(показывает на Наташин живот)*. Вот этим!

Наташа *(показывает себе на живот)*. Вот этим?

Анна Павловна. Конечно! Я должна умереть до того, как родится твой ребеночек! И тогда моя душа успеет в него переселиться. Я не хочу к чужим людям, я не хочу жить в другой стране. Я хочу, чтобы именно

ты была моей мамочкой. Из тебя получится замечательная мамочка. Если мне в голову вошло, значит, так по сему и быть, я упрямая. Я умру прежде, чем ты родишь! У меня уже давно созрело желание начать все сначала!

Наташа. Может быть, поживешь еще немного?

Анна Павловна. Нет-нет, все, с меня хватит. Мне хочется чего-нибудь новенького.

Наташа. Я буду тебя ужасно баловать.

Анна Павловна. Мне не терпится посмотреть на папочку, девочки больше похожи на отцов. Он брюнет или блондин?

Наташа. Брюнет.

Анна Павловна. Прекрасно.

Наташа. Ба, ты в это на самом деле веришь?

Анна Павловна. Конечно, моя милая, свято верю. Я буду молить Господа, это мое последнее желание в этой жизни!

Наташа. А как я узнаю, что ты — это ты?

Анна Павловна. Я подам тебе знак. Когда ты меня первый раз приложишь к груди, я тебе подмигну. Правым глазом... вот так. Отдавая Господу душу, я буду со всей силы стараться запомнить, что я тебе должна подмигнуть правым глазом. Я буду изо всех сил стараться запомнить. Я буду повторять это каждый день перед сном. Иди, иди, уже поздно. А черты лица у него тонкие, правильные?

Наташа. Тонкие, правильные.

Анна Павловна. Он высокий?

Наташа. Нет, среднего роста.

Анна Павловна. Для девочки это хорошо, когда отец среднего роста. Ладно, иди, завтра у нас с тобой будет непростой денек! Нам надо как следует отдохнуть!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Та же гостиная на другой день, около четырех часов дня.

Людмила. Умоляю тебя, давай устроим тихий семейный вечер, не надо никаких экзекуций и семейных сцен. Дождемся, когда уедет, все-таки она моя мать!

Борис Олегович. Хорошо, я буду холодным и вежливым Джоном Боном, надену жилетку от английского костюма, буду пить чай и молчать.

Людмила. Очень тебе признательна.

*Борис Олегович уходит.
Появляются Анна Павловна и Наташа.*

Анна Павловна. Я бы выпила горячего чаю.

Наташа. Мама, мне никто не звонил?

Людмила. Не помню, кажется, никто. Да-да-да, звонила тебе Маша Филиппова и сказала, что сольфеджио отменили.

Наташа. Мама, она звонила вчера, вчера отменили сольфеджио.

Людмила. Значит, у меня в голове опять перескочило.

Людмила уходит.

Наташа. Он сейчас придет делать мне предложение, я даже перед выступлением так не волнуюсь. Что будет, что сейчас будет!

Анна Павловна. Пойди выпей валерьянки.

Наташа. Этого они от меня никогда не дождутся.

Анна Павловна. Молодчина, не забывай, наш предок граф Ростопчин командовал московским ополчением в тысяча восемьсот двенадцатом году.

Наташа. Мне еще ни разу в жизни так страшно не было!

Анна Павловна. Есть один испытанный способ: когда теряю самообладание, я пою арию Паяца. Давай тихонечко, в два голоса?

*Они поют арию Паяца, заканчивают.
В гостиную входит Борис Олегович,
он аплодирует.*

Борис Олегович. Прохожу мимо и слышу ангельское пение. Bravo, недурно, недурно!

Анна Павловна. Настроение прекрасное, какой сегодня сладкий денек, солнечный, морозный!

Наташа. Выпал снег, очень красиво!

Борис Олегович. Мне никогда так не хотелось жить, как в этом году. Сегодня проснулся, открыл глаза и подумал: у меня в жизни все хорошо, я счастливый человек! А ведь прав один писатель, фамилию которого я не помню, что вся судьба человека легко укладывается в это мгновение после пробуждения.

Анна Павловна. Давайте споем втроем?

Борис Олегович. Ха-ха! Преподаю историю музыки, а слуха не имею. Точно знаю, в каком году Рахманинов уехал в Америку, а петь не могу. Тогда какой же я счастливый человек?

Анна Павловна. Зато у вас, Борис Олегович, есть другие достоинства. Например, вы требовательный и заботливый отец.

Входит Людмила.

Людмила. Это истинная правда!

Борис Олегович. А знаете, чем отличаются хорошие родители от плохих? У хороших родителей есть цель, а у плохих ее нет. Я верю, уже скоро моя дочь станет европейской знаменитостью.

Наташа. Если, конечно, я буду играть в день по шесть часов, мыть руки перед едой и приходить домой в полдесятого вечера.

Людмила. Наташа!

Борис Олегович. Вот видите, как легко испортить похвалою молодого исполнителя.

Людмила. Характер отцовский. В детстве была просто ангелом, а выросла упрямая, как вол. Для девочки не очень хорошо.

24 Анна Павловна. По-моему, Наташенька очень покладистая.

Борис Олегович. Увы, нам не всегда удастся договориться... не всегда.

Наташа. Ну начинается.

Борис Олегович. Талантливый человек не имеет права любить ничего посредственного.

Людмила. Боренька, посмотри, у тебя на жилетке пуговичка расстегнулась!

Наташа. Борщевский — прекрасный пианист.

Борис Олегович. Для этого человека нет ничего святого, он из классической музыки делает себе пьедестал, чтобы постоять на нем полторы минуты и сгинуть на века! Кто о нем вспомнит, когда он сам перестанет заботиться о своей славе?

Наташа. А я так не считаю.

Борис Олегович. Получается, что не исполнитель существует ради музыки, а музыка — это приспособление для того, чтобы сделать карьеру, это некая отмычка от сейфа, в котором хранятся земные блага.

Людмила. Сегодня, кстати, Масленица, по старинному русскому обычаю в Масленицу все ходят друг к другу в гости, катаются на санях и водят хоро- воды.

Наташа. Ты слишком беспощаден, отец.

Борис Олегович. Да, искусство — это очень жестокая вещь! Если мы не будем жестокими, искусство превратится в отхожее место, где всякие проходимцы и скоты будут удовлетворять свое безмер-

ное и ничтожное честолюбие, самовыражаясь на своем микроскопическом «я»!

Наташа. Не тебе судить, кто талант, а кто гений. Он великолепный импровизатор и яркий стилист в музыке.

Людмила. Еще в Масленицу крестьяне сжигали соломенное чучело прямо на пшеничном поле, чтобы был хороший урожай, или топили в реке, если в прошедшем году была засуха. А давайте соберемся и поедem за город кататься с гор на санках, а я напеку блинов!

Борис Олегович. Какой интерпретатор, какой импровизатор — тупое волосатое отродье, шелкопер, своим присутствием в зрительном зале ты голосуешь за пошлость. Я уже не говорю о том, что, покупая билеты, ты снабжаешь врагов искусства деньгами!

Анна Павловна. Это очень сильно сказано, у вас есть ораторские способности плюс к воспитательным, Борис Олегович!

Людмила. Еще крестьяне украшали сани, а девушки водили хоровод двенадцати дочерей. Вам что, не интересно, как я рассказываю про Масленицу? Тогда я не буду вам ничего рассказывать!

Борис Олегович. Я, конечно, не палач, но вчера совершил решительный поступок. Наташа собралась идти на концерт, а я разорвал билеты.

Наташа. А я купила новые билеты и обязательно пойду!

Анна Павловна. Да, совершенно верно, по дороге мы зашли в консерваторию и купили два билета на завтра.

Борис Олегович. И это после нашей вчерашней дискуссии?

Наташа. Никакой дискуссии не было, ты не выслушал мою точку зрения!

Людмила. Вы только задумайтесь, как прекрасны народные обычаи и обряды.

Борис Олегович. Прошу тебя, дай мне эти билеты. Дай мне их в руки. Сейчас же!

Наташа. Не дам.

Борис Олегович. А я настаиваю!

26 Анна Павловна. Они у меня в сумочке. Вот они, возьмите.

Наташа. Не надо, не отдавай!

Борис Олегович (*рвет билеты*). Вот так, вот так, и только так, и никак иначе, вовеки вечные! Еще, и еще мельче. Амен!

Наташа. В конце концов, я имею право на собственные взгляды и убеждения, я уже не ребенок и больше не собираюсь слепо тебе повиноваться, любить только то, что ты любишь, и плакать в подушку. Я имею право на свои вкусы и привязанности, и вообще, если хочешь знать, я беременна!

Борис Олегович. Кто, я беременный? Я? Да, я беременный! Я вынашиваю тебя, как любящая мать, бережно и терпеливо, чтобы однажды ты родилась как серьезный исполнитель и предстала перед изумленной публикой во всем блеске и великолепии, да, пусть будет так, я рассуждаю, как беременный.

Людмила. Одну минуточку, я что-то не пойму, кто из вас беременный, ты, Боря, или Наташа?

Анна Павловна. Они спорят об искусстве, они говорят на языке аллегорий. В данном случае «беременный» — это эпитет. Борис Олегович беременный, душа моя, в том смысле, что мы находимся накануне рождения нового имени в мире фортепианной музыки.

Наташа. Нет, я беременна, в буквальном смысле, без всяких аллегорий, я жду ребенка!

Борис Олегович. Одну минутку, как это — беременна?

Наташа. А вот так.

Анна Павловна. Натали!!!

Борис Олегович (*Людмиле*). Это ты во всем виновата. Я же говорил тебе, за ней нужен глаз да глаз. Доигрались, все, готово! Есть! Есть, есть! Готово!

Людмила. Вы шутите или серьезно? Я что-то никак не пойму! Говорите по очереди! Вы всерьез или понарошку — кто из вас ждет ребенка и в каком смысле?

Борис Олегович. Наша дочь ждет ребенка.

Людмила. Наша Наташа?

Борис Олегович. У нас с тобой есть еще одна дочь?

Людмила. Не задавай мне idiotских вопросов. У нас только одна дочь.

Наташа. Все, я уже взрослый человек, я беременна, вот так!

Людмила. Ой, ой-ой, ой!

Борис Олегович. Оба-на! Дошло-доехало!

Наташа. Мое терпение лопнуло. Видите ли, нельзя играть Рахманинова, меняя акценты. Чушь поросычья!

Анна Павловна. Мне кажется, Натали, ты поторопилась.

Борис Олегович. Минуточку, минуточку. Так, значит, вы, Анна Павловна, еще раньше знали?

Анна Павловна. Разумеется.

Борис Олегович. Хорошо же это получается: мы живем со своей дочерью восемнадцать лет и не знаем, что она беременна, а вы только вчера приехали — и уже знаете!

Анна Павловна. Вы очень посредственный папаша.

Борис Олегович. Вот он, ваш оргазм, вот они, ваши нравы!

Анна Павловна. Вы абсолютно правы, Наташа забеременела от безнравственного слова, она плохо закрыла уши пальцами!

Борис Олегович. Перестаньте ерничать, она как минимум полтора года не сможет репетировать! А у нас в этом году участие в двух международных конкурсах.

Наташа. Смогу!

Борис Олегович. Легко сказать, попробуй сыграть мелодический нюанс или тридцать вторыми, когда тебя изнутри толкают двумя ногами!

Наташа. И попробую! И сыграю. И так еще сыграю, как никому и не снилось!

Анна Павловна. Превосходно! Она сыграет!

Людмила. Вот характер!

Борис Олегович. Я хочу знать, кто автор?

Наташа. Автор чего?

Борис Олегович. Автор твоего будущего живота! Что, еще не видно? Ничего, ничего, погоди!

Наташа. Кто автор?

Борис Олегович. Вот именно, мне не терпится узнать, кто автор!

Звонят в дверь.

Людмила. Я открою.

Входит Антон.

Наташа. Познакомьтесь, это мой Антон.

Антон. Добрый вечер!

Борис Олегович. А вот и автор! Bravo, bravo, аплодисменты, господа!

Антон. Ну, это громко сказано, я только в прошлом году закончил композиторское отделение и еще толком ничего не написал.

Борис Олегович. Это как посмотреть, кое-что, не менее существенное, уже успели, так сказать, сочинить.

Антон. Спасибо, Борис Олегович, я очень дорожу вашим мнением, хотя то, что вы слышали, это очень ранние произведения, по ним нельзя судить. Кстати, вы знаете, а ведь сегодня Масленица.

Борис Олегович. Мы-то знаем, а вот вы, молодой человек, кое-что в жизни еще не совсем понимаете.

Людмила. Смотрите-ка, Антон знает, что сегодня Масленица! Какой молодец!

Анна Павловна. Какая прелесть, у него серые глаза, у меня будут серые глаза!

Борис Олегович. Они просто хорошие знакомые. Они не друзья и даже не товарищи. Что-то вы сказали, Анна Павловна? Какие глаза у вас будут?

Людмила. Мама, ты о чем, почему у тебя будут серые глаза?

Натasha. Садись пить с нами чай.

Людмила. А давайте мы с вами поцелуемся, как положено всем русским людям в этот день.

Антон. Я еврей.

Людмила. Вы еврей?

Антон. Да, чистокровный ашкенази.

Людмила. Вот видите, Борис Олегович русский, а не знает, что сегодня Масленица, зато Антон знает!

Борис Олегович. И что, вы тоже ходите на концерты Борщевского?

Антон. Я равнодушен к экспериментам в музыке.

Борис Олегович. Это обнадеживает.

Анна Павловна (*берет руки Антона в свои*). У него мягкие руки, он будет прекрасным отцом, он будет качать меня в колыбели!

Борис Олегович. Извините, Анна Павловна, что вы говорите такое, я не совсем понимаю. Почему молодой человек будет качать вас в колыбели?

Антон. Я пришел просить руки вашей дочери.

Натasha. Вот видите, между прочим, это не мимолетный роман, мы с Антоном хотим пожениться.

Борис Олегович. Порядочные молодые люди, молодой человек, сначала женятся, а потом уже все остальное, а у вас все наоборот.

Анна Павловна. Я буду еврейкой. А почему бы и нет?!

Натasha. Нет, бабушка, евреи определяются по матери — если бы я была еврейкой, вот тогда бы и ты была еврейкой.

Борис Олегович. Я схожу с ума. О чем они говорят?

Анна Павловна: Вообще, странная штука жизнь: сначала урожденная Ростопчина, а потом вдруг... как ваша фамилия?

Антон. Гольденвейзер.

Анна Павловна. А потом Гольденвейзер! Назовите меня Люсей, я буду Люсей Гольденвейзер! Правда, красиво звучит?

Наташа. Нет, я оставлю девичью фамилию, ты будешь Федоскиной.

Анна Павловна. Носить его фамилию? *(Показывает пальцем на Бориса Олеговича.)* Ни за что! Я хочу быть Люсей Гольденвейзер! Звучит очень забористо! Я люблю остренький фасончик!

Людмила. Они что, сошли с ума?

Борис Олегович. Это тактический ход, держись, мать! Они хотят сбить нас с толку и посеять панику в родительских сердцах!

Анна Павловна *(Наташе)*. Ты должна взять фамилию мужа!

Людмила. Скажите, а у евреев есть своя Масленица?

Антон. Нет, у евреев нет Масленицы!

Людмила. А почему у евреев нет Масленицы?

Антон. Потому что у евреев нет зимы!

Борис Олегович. Ну что ж, неплохо устроились!

Наташа. Как тебе не стыдно!

Борис Олегович. Все-таки у меня железная интуиция. Я никогда вам не доверял. Я не думаю, что это возможно, Наташе еще рано думать о замужестве!

Антон. Тогда мы поженимся без вашего благословения.

Борис Олегович. А ну-ка поаккуратнее, молодой человек, это не Голанские высоты и не правый берег реки Иордан! Силой вы тут ничего не добьетесь!

Антон *(Наташе)*. Он антисемит. Почему ты мне раньше ничего об этом не говорила? Поэтому так яростно ненавидит Марика Борщевского!

Борис Олегович. Ложь, ложь!!! Национальность исполнителя не имеет для меня ровно никакого значения. Искусство — вот паспорт художника!

Анна Павловна. Звучит очень эффектно. Где-то вычитал!

Людмила. Мальчики, давайте не будем ссориться. Сегодня все люди хоромы водят и блины едят, а мы с вами выясняем отношения! Поедем лучше в Крылатское кататься с гор на санках!

Антон. И все-таки... как вы находите мои сонаты?

Борис Олегович. Неплохо, ничего, ничего... ничего особенного!

Антон. А я читал вашу статью об Эдисоне Денисове. По моему, вы блестящий критик.

Борис Олегович. Вам так просто не удастся меня усахарить.

Анна Павловна. Моя судьба решена.

Людмила. Я не понимаю, мама, почему твоя судьба решена?

Борис Олегович. Допустим, вы действительно собрались жениться на моей дочери, тогда позвольте задать вам несколько вопросов.

Антон. Сколько угодно!

Борис Олегович. Скажите, вы осознаете всю степень ответственности за принятое решение?

Антон. Да!

Наташа. Папа!

Людмила. Он имеет право!

Наташа. Ну, начинается.

Анна Павловна. Ведет себя, как экзекутор.

Борис Олегович. Нет-нет, господа, всего один вопрос, касающийся вашего будущего и будущего моей дочери.

Антон. Сколько угодно, Борис Олегович, хоть тысячу, я готов.

Борис Олегович. У меня всего лишь один вопрос. Я больше ни о чем спрашивать не буду, только один вопрос.

Анна Павловна. Какое великодушие!

Наташа. Ну, задавай, задавай свой вопрос!

Борис Олегович. Вот он, мой вопрос. А что, если вы разлюбите Наташу и полюбите другую женщину? Что тогда? Мы с женой будем воспитывать вашего сына или дочь, а вы тем временем будете заниматься духовными поисками в объёмах новой музыки?

Антон. Зря вы занимаетесь теорией музыки, Борис Олегович, я бы на вашем месте писал фантастические романы.

Борис Олегович. Я не теоретик музыки, я ее историк. Это раз. Отвечайте на вопрос. Вы, женатый человек с младенцем на руках, влюбились в другую женщину. Ваши действия?

Антон. Этого быть не может, потому что этого быть не может!

Борис Олегович. А я вам говорю, что обязательно случится, вы обязательно влюбитесь, я вам клянусь, потому что через это проходит каждый мужчина. Это закон природы. Итак, я слушаю.

Антон. А я говорю, что этого быть не может.

Борис Олегович. А я настаиваю на том, что это обязательно случится.

Антон. Нет, я не согласен.

Борис Олегович. Нет, вы обязаны согласиться со мной.

Антон. С какой стати?

Борис Олегович. Потому что вы больше, чем я, заинтересованы в диалоге и в положительном исходе нашей беседы. А если вы не согласитесь, что когда-нибудь обязательно измените своей будущей жене, то я с вами разговаривать не стану. Я сейчас же встану и уйду. И более того, с этой минуты объяв-

ляю вам бойкот и больше никогда не скажу вам ни слова. Вы меня еще плохо знаете!

Антон. Ну, хорошо, допустим, я влюбился в другую, но только из уважения к вам, потому что вы отец моей невесты.

Наташа. Да это просто минутное увлечение.

Анна Павловна. Я совершенно согласна, обыкновенный, ни к чему не обязывающий флирт.

Борис Олегович. Вот видите, минуту назад вы даже мысли не могли допустить, возмущались, называли меня фантастом, а уже через десять минут спокойно рассуждаете об измене, как о манной каше. Вот так устроен человек.

Антон. Извините, это некорректно, вы же сами настояли на том, что я обязан согласиться.

Борис Олегович. Но вы могли по-прежнему спорить и не соглашаться и стоять насмерть. Но вы согласились, согласились, согласились!

Анна Павловна. Маккиавели позавидовал бы вашему коварству.

Наташа. Подлость, обыкновенная подтасовка.

Людмила. Давайте не будем ссориться!

Борис Олегович. Никакой не флирт, черт побери, а настоящая любовь! Нет, вы не просто увлечены, вы сошли с ума, вы не можете спать и дышать. Дальше! Ваши действия!

Антон. Не забывайте, я полюбил другую женщину по вашей просьбе, а не потому, что я законченная сволочь, развратник или дон-жуан!

Борис Олегович. Хорошо, пусть так! Назовем эту женщину, или лучше всего девушку — потому что чем привлекательнее она будет, тем больше пользы от нашего разговора, — назовем ее Тамарой. Несколькими легкими мазками набросаем ее портрет. Итак, она стройная блондинка с белой, как мрамор, кожей, чувственным ртом и огромными

ласковыми миндалевидными глазами. Мягкие волосы льются, как водопад, на ее хрупкие плечи, а голос, как у сирены, сводит с ума и преследует до наваждения, до слуховых галлюцинаций! В ее походке...

Анна Павловна. Может быть, достаточно прелестей, давайте поговорим о ее недостатках.

Борис Олегович. Нет, нет, одну минутку! У нее одни достоинства! Она исполнена грации и великолепия, умна, удачлива и вообще! Итак, вы встретились с ней, и голова пошла колесом! Вы полностью потеряли над собой контроль! Ваши действия?

Наташа. И все-таки, нельзя ли поближе к жизни?

Борис Олегович. Замолчи, ты еще ничего не понимаешь, я ведь за тебя сражаюсь!

Людмила. Вот именно, что вы будете делать?

Борис Олегович. Это экзамен на нравственную зрелость, я хочу, чтобы он ответил. Итак, у вас молодая жена и маленький ребенок. Ваши действия.

Антон. Ну, я не знаю.

Борис Олегович. Вот видите, он не знает.

Наташа. Да все он прекрасно знает, дайте человеку договорить.

Антон. Ну, наверное, я должен буду сделать выбор, и я выберу жену и ребенка.

Борис Олегович. Нет, нет, нет, нет... погодите! Вы бы хотели услышать голос разума, но не можете справиться с чувствами! Это страсть! Ваши действия!

Антон. Я застрелюсь. Другого выхода я не вижу!

Борис Олегович. Вы застрелитесь, а я буду воспитывать вашего ребенка. Ответ неверный.

Наташа. Он пошутил, па, у тебя есть чувство юмора?

Людмила. Ты представляешь, мы скоро будем бабушкой и дедушкой. А еще недавно нам было по двадцать лет... как быстро прошла жизнь.

Борис Олегович. Она еще не прошла, это, во-первых, а во-вторых, мы не будем бабушкой и дедушкой до тех пор, пока молодой человек не ответит на конкретный поставленный вопрос.

Антон. Ну, не знаю. Сдаюсь!

Борис Олегович. Вы собрались жениться и не можете решить простейшей жизненной проблемы. Вам еще рано, молодой человек.

Антон. Я хочу знать правильный ответ.

Борис Олегович. Правильный ответ?

Антон. Правильный ответ!

Борис Олегович. Вы должны вырвать себе глаз!!!

Анна Павловна. Что?

Борис Олегович. Вы должны вырвать себе глаз своею собственной рукой, ибо в Евангелии сказано: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с ней в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя!»

Антон. То есть в буквальном смысле я должен вырвать себе глаз?

Борис Олегович. А как же иначе, мой друг, конечно.

Наташа. А по-моему, все Евангелие записано притчами, а притчи нельзя понимать буквально.

Людмила. И потом, он ведь еврей. У них своя литература. Это мы должны вырывать себе глаза.

Борис Олегович. Я позволю вам взять в жены мою дочь только при одном условии: если вы сейчас же, в присутствии свидетелей дадите мне слово, что, если полюбите другую, сразу же своей собственной рукой вырвете себе глаз! А иначе этому браку не бывать! Только через мой труп!

Анна Павловна. Я не знала, мой друг, что вы такой кровожадный. Как вы смеете, вы посмотрите, какие у него красивые серые глаза, это иезуитство!

Наташа. Какое-то средневековое мракобесье! Мы живем в конце двадцатого века.

Борис Олегович. самого страшного века человеческой истории, по жестокости и безнравственности с которыми не сравнятся никакие Средние века!

Анна Павловна. Я вижу, что вы не договоритесь, поэтому, господа, позвольте на правах старшей вмешаться в беседу. Ведь у меня в жизни была точно такая же история. А ведь на самом деле Борис Олегович прав. Спустя полтора месяца после нашей женитьбы Константин Андреевич, мой первый муж, действительно влюбился.

Борис Олегович. Что только доказывает типичность ситуации.

Анна Павловна. Марина Москвина была большой поклонницей его поэзии. Они познакомились на Рижском взморье, куда мы вместе с Костей приехали отдыхать.

Борис Олегович. Так, так, ну-ну!

Анна Павловна. Они полюбили друг друга, при этом Костя ко мне не остыл. Наши друзья, Бенуа с женой, возмущались Мариной, этой intruse (втирушей), и советовали гнать ее, пока не поздно. А Костя на самом деле любил нас двоих и был совершенно счастлив. Утром и днем он был со мной, а вечером уходил к Марине. Вот вам один из возможных вариантов. Я к тому, что из любой ситуации можно найти выход!

Борис Олегович. Извините, дорогая Анна Павловна, вас опять понесло не в ту сторону.

Анна Павловна. Сначала я страшно мучилась, а когда преодолела в себе эту животную ревность, все стало на свои места. Сначала все нас очень осуждали, а после очень быстро привыкли.

Борис Олегович. Она совсем выжила из ума.

Антон. А я считаю, что это вполне разумно.

Борис Олегович. Вы слышали, что он сказал? Нет, вы слышали? Как легко он подхватил тезис о двоеженстве?

Анна Павловна. За эти два года я испытала к Марине всю гамму чувств — от ненависти и животной ревности до страстной любви. Да-да, однажды я влюбилась в нее совершенно безумно! А потом мы просто съехались и стали жить все вместе, втроем.

Борис Олегович. То есть как это — втроем?

Анна Павловна. Да-да, мы жили втроем, а что здесь такого особенного? В те годы было много знаменитых треугольников. Маяковский жил с Бриками, Судейкина с Князевым и Кузминым, у Андрея Белого был роман с Философовым и Гиппиус.

Людмила. Мама!

Борис Олегович. Уже поздно, нам пора ложиться спать! Спать, спать, спать. Отбой! Никаких разговоров.

Наташа. Еще только семь часов вечера.

Борис Олегович. Извините, молодой человек, у нас в доме ложатся рано, мы весь день катались на санках с гор, ели блины и водили хороводы, мы устали.

Антон. Спасибо за гостеприимство, спокойной ночи!

Анна Павловна. Вот и прекрасно! Пусть влюбляется, ничего не бойтесь, живите сердцем, вы очень милый молодой человек! И ни в коем случае не прикасайтесь руками к своим глазам, они у вас очень красивые. Я вчера вышла на улицу, а навстречу мне идет миллион одноглазых мужчин — чудовищное зрелище, достойное кисти Босха.

Антон. Спасибо, Анна Павловна. Вашу руку! *(Целует руку.)*

Наташа. Я провожу Антона.

Анна Павловна. До свиданья, мой драгоценный папочка, надеюсь, скоро увидимся!

Борис Олегович. Все, идите, идите, всего хорошего.

Анна Павловна. Влюбляйтесь и не бойтесь своих чувств.

Людмила. Мама, что ты говоришь!

Наташа. Пусть влюбляется, я не против, мы тебе разрешаем, влюбляйся.

Антон. Ну, спасибо!

Наташа. Я провожу.

Анна Павловна. Пойдемте прогуляемся перед сном.

Анна Павловна, Наташа и Антон выходят в прихожую.

Борис Олегович. Как в страшном сне! Она беременна. Замуж в восемнадцать лет! Ситуация вышла из-под контроля! Пора переходить к решительным действиям! Никаких детей, никакого замужества! Идиотка!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

сцена первая

Анна Павловна в своей комнате. Входит Наташа.

Наташа. Самое страшное, кажется, уже позади.

Анна Павловна. Лучше не загадывать, Борис Олегович — мужчина очень сентиментальный, и я подозреваю в нем большие психопатические возможности. Не будем терять бдительности, мой друг, у меня нехорошие предчувствия.

Наташа. А как тебе мой Антон?

Анна Павловна. У тебя великолепный вкус, Антон — очень изысканный молодой человек, обожаю талантливых и умных мужчин.

Наташа. Ты ему тоже очень, очень понравилась! Твой рассказ о Марине и Константине произвел сильное впечатление.

Анна Павловна. Я должна была как-то остановить избивание младенцев! Эротическое воображение твоего папеньки — его самое слабое место, ахиллесова

пята. Когда я сказала, что влюбилась в Марину, у него на глаза навернулись слезы.

Наташа. Я тоже любовалась тобой!

Анна Павловна. Порок — это моя стихия, если бы моя жизнь сложилась чуть-чуть счастливей, я бы имела на этом поприще очень большие достижения.

Наташа. У меня есть бутылочка шампанского!

Анна Павловна. С удовольствием выпью шампанского. Смотри, настоящая метель.

Наташа. Ветер сильный какой, аж стекла дрожат! За нас с тобой!

Анна Павловна. За тебя и за Антона. Будьте счастливы!

Наташа. За тебя, ты наше солнце!

Анна Павловна. За любовь! За сонаты Шуберта!

Наташа. За облака, из которых сыпется снег!

Анна Павловна. За камень, который я бросила в море моим последним летом, я на всю жизнь запомнила это мгновение, он лежит где-то там на дне! Он навсегда обручен с моей ладонью!

Наташа. За платье, в котором меня Антон увидел в первый раз, за глубокий вырез сзади и за мою родинку на спине, увидев которую, он чуть не потерял сознание!

Анна Павловна. Скоро мне предстоит дальняя дорога, поэтому я хочу выпить за керосин, которым управляют самолеты!

Наташа. За свободных женщин Востока!

Анна Павловна. За великих японцев, за Басе и за Ван Гога! Ван Гог в глубине души был японцем!

Наташа. За уже беременных женщин и за девушек, мечтающих о первой беременности!

Анна Павловна. За метель, за волшебство этой ночи! За жизнь и за то, что она так прекрасна!

Наташа. За лягушек и бабочек, которые спят сейчас под снегом!

Анна Павловна. Смотри, человек идет по улице, ночью, в метель, один. Выпьем за него!

Наташа. Так за что мы пьем?

Анна Павловна. За этого человека, за прохожего! За тех людей, которые могли ворваться в нашу жизнь и полностью перевернуть ее, чьих имен мы так и не узнали, чьих лиц мы никогда не увидим.

Наташа. Мне мама говорила, что Константин был архитектором.

Анна Павловна. Нет, у нее опять что-то в голове перескочило. Он был поэтом, стихи писал очень обыкновенные и не имел никакой славы.

Наташа. А Марина?

Анна Павловна. Она была студенткой-математичкой. Такая маленькая и тихая, совсем карманная девушка, совершенно не приспособленная к жизни, она не умела ровным счетом ни-че-го! Костя не стал лгать мне и сразу же во всем признался. А когда я его попросила сделать выбор, он сказал, что любит нас обеих и не хочет выбирать, и пригрозил, что если я уйду от него, выбросится из окна. Он не был похож на решительного человека, и, конечно, я ему не поверила, собрала вещи и ушла. И, представь себе, он в тот же вечер сдержал свое слово — бросился из окна четвертого этажа и сломал обе ноги. Мы с Мариной его выхаживали вместе и даже подружились. Летом мы повезли Костика в Крым, и вот чудо из чудес — здесь мы с Мариной подружились. Константин не ожидал такого поворота событий, он перепугался насмерть, что потеряет сразу обеих! Втроем мы долго обсуждали, как нам быть, и решили расстаться навсегда, потому что наши отношения стали чересчур запутанными. Мы решили разрубить гордиев узел, пошли на вокзал и купили три билета. Я — в Петербург, Костя — в Киев, Марина — в Москву. Одним словом, никуда мы не поехали. Лето пролетело очень быстро, это был настоящий рай: ласковое море, солнце...

Наташа. А что было дальше?

Анна Павловна. Спустя два месяца после того, как мы вернулись в Москву, меня арестовали по подозрению в контрреволюционной деятельности. Во всем виновато мое дворянское происхождение. Через семь лет я вышла из лагерей и узнала, что Костя и Марина эмигрировали в Европу, они бежали, у них не было выхода. Через три года я получила новый срок и отправилась по этапу в Магадан, а вышла на свободу только через четырнадцать лет.

Наташа. И что, вы больше никогда не виделись?

Анна Павловна. Никогда. Прошло уже больше шести десяти лет, и только совсем недавно я узнала их судьбу. Они умерли от туберкулеза в сорок втором году во Франции. Я валила лес, а они нищенствовали в эмиграции. Это понятно, они были беспомощные, как дети, я не могла о них позаботиться.

Наташа. А моя мать?

Анна Павловна. Она появилась на свет, когда закончились все мои лагерные скитания. После лагеря я больше всего на свете хотела родить ребенка, и мне было все равно от кого.

Наташа. Ты можешь прочесть мне его стихи?

Анна Павловна. Стихи-то были неважные, я ничего не запомнила. У него были изданы всего две тоненькие книжки крохотными тиражами, у меня не осталось ни одной, я искала в хранилищах, но не нашла. Вообще, от моего Кости ничего не осталось: ни родственников, ни вещей, ничего. Как будто его на свете не было. От него осталась только я. И я хочу перед смертью прикоснуться к его имени.

Наташа. Как это — прикоснуться к его имени?

Анна Павловна. Я нашла его могилу через русское консульство, он захоронен под Парижем на кладбище

в Noisy-le-Grand. Марина лежит рядом, она умерла спустя два месяца. Я лечу в Париж, чтобы попрощаться с ними, я хочу прикоснуться рукой к его имени на обелиске, а Марине я принесу ее любимые белые хризантемы.

Натasha. Давай выпьем за Костю и за Марину.

42 Анна Павловна. Костя и Марина, за вас, мы скоро увидимся!

Натasha. Хорошее шампанское, правда?

Анна Павловна. У нас в Беломорлаге был конвоир, который знал наизусть очень много изысканной поэзии, большой ценитель, знаток, и очень любил цитировать. Когда мы возвращались в лагерь с делянки, все в грязи и промокшие до нитки, он декламировал вслух Северянина: «Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском, удивительно вкусно, искристо, светло!..» А потом: «Ну как, госпожа Ростопчина, вам искристо, вам светло? А ну-ка, посмотрите на себя! Вы вся в чем-то испанском!» Однажды зимой я страшно обморозилась, у меня не было сил подняться, я лежала в снегу и уже отдавала Богу душу, а он стоял надо мной и с выражением читал:

Ножки пледом закутайте дорогим, ягуаровым,
И садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте вы мальчику в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему вашим платьем жасминовым,
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым.

Натasha. Сволочь! Я бы убила его!

Анна Павловна. Не бери грех на душу даже в мыслях, он «врезал» без посторонней помощи, за полгода до моего освобождения, съел что-то нескоромное. Бедолагу несло две недели, пока не издох от поноса. И я тогда подумала: все-таки Бог есть! Посмотри, который час, я не вижу.

Наташа. Два часа ночи.

Анна Павловна. Мне надо выспаться. Завтра в десять утра я должна быть в посольстве. Если они не дадут мне визу, я подожду посольство к чертовой бабушке!

Наташа. Ба, ты террористка.

Анна Павловна. Я значительно хуже! Я так волнуюсь, как будто увижу их живыми! Ну, как ты себя чувствуешь, моя любимая мамочка?

Наташа. Очень прилично, лучше, чем вчера.

Анна Павловна. Я должна родиться где-нибудь числа пятнадцатого июля. Будет лето, так ведь? И вы поедете на дачу.

Наташа. Да, конечно, поедем.

Анна Павловна. Прекрасно, я буду лежать в легкой летней коляске, спать, просыпаться и смотреть на проплывающие по небу облака.

Наташа. Обещаю тебе райскую жизнь. Перед сном буду петь колыбельную.

Анна Павловна. А где будет в это время наш папочка?

Наташа. В городе, он будет приезжать к нам по субботам и воскресеньям.

Анна Павловна. Прекрасно. Меня ждет роскошная жизнь.

Сцена вторая

Входит Анна Павловна.

Анна Павловна. Людмилочка, я просила тебя погладить платье.

Людмила. Я повесила его в комнате, за дверью. Мама, ты обещала проболтаться на дорожку. Куда ты летишь?

Анна Павловна. Погоди, еще рано, я волнуюсь, очки, часы, футляр, книга. Паспорт.

Анна Павловна уходит.

Борис Олегович. Она еще здесь? Я уже считаю минуты.

Людмила. Почему бы нам самим не отвезти ее в аэропорт?

Борис Олегович. Она отказалась от нас, сама заказала такси.

Людмила. Когда самолет?

Борис Олегович. Если бы я знал, можно было бы узнать по самолету, куда она летит! Такси вызвала на тринадцать тридцать, это через полчаса. Этот звонил сегодня уже два раза.

Людмила. Все-таки я мать, нам будет легче договориться.

Борис Олегович. Нет, для того чтобы убедить кого-нибудь хоть в чем-нибудь, нужно самому быть убежденным. Ты сама не понимаешь всей глубины происходящего. Я звонил Карпухину, Саня — прекрасный доктор, он уже придумал диагноз, при котором рожать нельзя. Мы сделаем аборт, ничего страшного, я уже договорился.

Людмила. А я бы с удовольствием понянчила маленького. Мне даже хочется, честное слово!

Борис Олегович. Моя мать была алкоголичкой, и отец — токарь без четырех пальцев на правой руке. Когда они напивались, я шел по длинному коридору на кухню и слушал радио, мне было всего четыре года, я садился на подоконник и слушал музыку. Может, тысячу лет все мои предки жили для того, чтобы на небе засияла одна настоящая звездочка, у нас это единственный шанс, это такая удача. Я не могу рисковать. Вспомни, когда Наташа грудная лежала в пеленках, я ее носил на репетиции к Толе, чтобы она впитывала в себя живое фортепианное звучание. И все должно пойти кувырком, потому что этому Бен-Гуриону, у которого еще будет тысяча заноз в сердце, понравилась моя девочка.

Людмила. В конце концов, пусть будет по-твоему, только прошу, пока мать не уедет, никаких разговоров.

Расстанемся по-хорошему, как родственники. Это были сложные дни, но тональность произведения определяется по последней ноте. Наше расставание должно быть праздничным и трогательным, а потом будь что будет!

Борис Олегович. Хорошо, я полчаса вытерплю, но потом... но потом... вы у меня держитесь!

Входит Наташа.

Наташа. Я готова.

Анна Павловна выходит в роскошном платье.

Наташа. Как тебе идет этот наряд!

Борис Олегович. А ты куда собралась?

Наташа. Я провожу Анну Павловну в аэропорт.

Анна Павловна. Не волнуйтесь, я оплатила такси в обе стороны, ее привезут домой, Антон поедет с нами.

Борис Олегович. Зачем тебе ехать в аэропорт, сегодня у тебя единственный свободный день, выспалась бы как следует. И, пожалуйста, поменьше говори по телефону. Мне часами не могут дозвониться из журнала... ну что, давайте прощаться!

Наташа. Антон почему-то опаздывает, он очень рассеянный, иногда путает длинную и короткую стрелки.

Анна Павловна (*смотрит на часы*). Спасибо за гостеприимство, живите дружно, бог даст, еще повидаемся.

Людмила. Спасибо тебе большое, мамочка, что заехала к нам, приезжай еще, мы все тебя очень любим.

Борис Олегович. Дорогая Анна Павловна, простите, если что не так, но вы сами прекрасно понимаете, мы родные люди, мы всегда по вам скучаем, приезжайте еще, мы всегда будем рады.

Анна Павловна. Милые мои, родные мои, спасибо вам, мне было у вас хорошо!

Борис Олегович. И мы вас очень любим.

Анна Павловна (*растроганная, в слезах*). Наташенька...

Наташа. Мы будем прощаться перед самолетом!

Анна Павловна. Ах да, я волнуюсь, я очень волнуюсь, сейчас придет машина, присядем на дорожку.

Борис Олегович. Давайте присядем по старому обычаю!

Людмила. Помолчим?

Наташа. Помолчим!

Борис Олегович. Давайте помолчим.

Они сидят, напряженность растет, в воздухе собирается электричество. Происхождение его неясно. Вдруг Борис Олегович резко встает.

Борис Олегович. Почему я должен хитрить, изворачиваться и лгать, почему мы должны ставить ложный диагноз? Я не собираюсь больше ни одной секунды заниматься китайской дипломатией в своем собственном доме, где я есть мужчина, отец и единовластный хозяин. Анна Павловна, вы не могли бы присутствовать при одном очень существенном разговоре?!

Анна Павловна. С удовольствием.

Людмила. Мама уезжает, почему мы не можем проводить ее по-человечески?

Борис Олегович. Вот в чем дело! Доченька моя милая, Наташенька, я погибну, сдохну, лягу костью, но не дам тебе пропасть. Поэтому, во-первых, ты не поедешь провожать Анну Павловну и останешься дома, без всякого объяснения, просто потому, что я так хочу! Во-вторых, ты не выйдешь замуж, в-третьих, у тебя не будет этого ребенка. Не волнуйся, я уже обо всем договорился с Александром Сергеевичем, он прекрасный доктор. Поэтому попрощайся с Анной Павловной, иди в свою комнату и сиди там тихонечко. Ты родишь нам ребеночка,

но не сейчас, а когда-нибудь потом, когда повзрослеешь, и ты мне еще за это спасибо скажешь.

Анна Павловна. Позвольте мне только два слова.

Борис Олегович. Нет, я вам не позволю издать ни единого звука. Все, ни единого звука! Хватит, я наслушался.

Анна Павловна. Только два слова.

Людмила. Мама, ты опоздаешь, уже ровно половина.

Борис Олегович. Собирайте вещи, я вам желаю счастливого пути.

Звонят в дверь.

Людмила. Это такси, я открою.

Входит Антон.

Анна Павловна. Антон, девочка больше не будет жить в этом доме, я не могу оставить ее здесь. Ты сможешь позаботиться о моей Натали?

Антон. Разумеется.

Анна Павловна. Тогда не задавай мне лишних вопросов, забирай ее с собой, подождите меня внизу.

Борис Олегович (*берет Наташу за руку*). Наташа останется дома. Ты останешься дома, ты никуда не пойдешь!

Анна Павловна. Эй, фраерок, не распускай руки, я тебя живо на валенки скатаю, отпусти девочку, я считаю до трех, два я уже сказала!

Немая сцена.

Людмила. Мама!

Анна Павловна. Миленькие, что вы застыли как изваяния, идите, идите, не стойте, подождите меня внизу, машина сейчас подойдет.

Борис Олегович. Знаете что, это уж слишком!

Антон и Наташа уходят.

Анна Павловна. Мне тоже пора.

Анна Павловна поворачивается, чтобы уйти.

Людмила. Мама! Наташа! Борис! Мама!

Анна Павловна. Ах, Людмилочка, я совсем забыла, обещала проболтаться на дорожку. Я уезжаю в Париж! Я буду гулять по бульварам, пить дорогое вино, ездить на роскошных авто, заведу один роман, а может быть, сразу парочку. Скорее всего, это будет мальчик-мулат и молоденький англичанин. У меня большая программа — театры, кинематограф, рестораны и танцы до утра. У меня есть к вам только одна просьба. Отвезите летом девочку на дачу. Мне пора.

Анна Павловна уходит.

Эпилог

Заключительный dissonans

Анна Павловна. Ну вот мы и повидались, здравствуйте, мои дорогие Костик и Марина! Я бы с удовольствием прилегла рядом с вами, очень устала, четыре с половиной часа на ногах, кажется, таксист взял с меня лишние деньги, вот мошенник. Вчера сидела на скамейке в Люксембургском саду и смотрела, как ветер раскачивает сухую прошлогоднюю листву.

Борис Олегович. Нет, мы не принимаем участия в конкурсе, она плохо себя чувствует, у Наташи сильный токсикоз.

Антон. Ни в коем таком случае, я не гонялся за мелодией, как собака с высунутым языком, и не пытался хватить ее зубами. Я, может быть, впервые в жизни ничего из себя не выдавливал, а чистил картошку и ни о чем не думал, и вдруг услышал живую музыку... и записал ее.

Наташа. Нет, я не обманываю, я сегодня два раза вышла на улицу, да, я дышала свежим воздухом.

Людмила. Ей ничего не надо говорить! До родов осталось всего две недели! Я поеду в Петербург и попрощаюсь с мамой за всех нас. Не проболтайтесь, ты знаешь, как она была к ней привязана!

Борис Олегович. Мы будем молчать.

Антон. Родила, девочка, три четыреста двадцать, пятьдесят один сантиметр. Ната чувствует себя хорошо, девочка здоровенькая.

Борис Олегович. Купи апельсинов и мясо индейки, она потеряла много крови.

Людмила. Забыла, куда положила деньги.

Наташа. Вы не сказали мне. Анна Павловна!

Борис Олегович. Откуда тебе стало известно? Мать, это ты проболталась?

Людмила. Я молчала!

Наташа. Сегодня я приложила девочку к груди, и вдруг она мне подмигнула правым глазом, и тогда я поняла, что Анны Павловны больше нет.

Антон. Успокойся, тебе нельзя нервничать, у тебя пропадет молоко.

Наташа (*смеется*). Да что вы, все хорошо, наоборот, я не собираюсь плакать!

Борис Олегович. Она смеется?

Людмила. Никогда бы не подумала!

Анна Павловна. Когда я предстала перед Господом, я сказала: Наташенька по моей вине пропустила Международный конкурс фортепианной музыки имени Чайковского, я хочу, чтобы в другом она победила. А Господь сказал: ничего не могу пообещать, только пятое или шестое место. И тогда я взмолилась: только первое, только Гран-при! Господь подумал и согласился.

Наташа. Ну, как платье? Я не поправилась?

Людмила. Наоборот, надо чуть-чуть подобрать подол, мы покажем им твою щиколотку.

Антон. Ты прекрасно подготовилась, не волнуйся!

Борис Олегович. Можно, я постою с тобой за кулисой, приготовься, Наташенька, скоро наш выход.

Анна Павловна. Их всех трясет, их всех колотит, а я лежу себе в колыбели и улыбаюсь, я точно знаю, что мы победим, но я еще не умею говорить, мне всего семь недель!

Борис Олегович. Ну, ни пуха!

Наташа. К черту!

Людмила. Это моя дочь!

Антон. Я люблю тебя!

Голос. Выступает финалистка конкурса имени Чайковского Наталья Гольденвейзер.

Наташа. Мой выход!

Наташа выходит на сцену в длинном строгом платье, садится за рояль, играет. Свет уходит вместе с заключительным аккордом. Аплодисменты.

Занавес.